УДК 80/81 DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-36-47

К истолкованию метафор и образных сравнений в Псалтири: subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi

Андрей Евгеньевич Бочкарев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Нижний Новгород, Россия bochkarev.andrey@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9650-8604

Аннотация

На примере святоотеческих толкований на Псалтирь рассматриваются многочисленные метафорические дескрипции с целью реконструировать операции и процедуры по извлечению сокровенного смысла из-под завесы буквального. Как свидетельствуют авторитетные толкования, используемые псалмопевцем метафоры и образные сравнения хотя и совпадают по семантическому механизму транспозиции и необходимости последующего их преобразования в толковании, но различаются по вкладываемому в них смыслу. Одни поэтически образно отражают душевный настрой Давида; другие исполнены, кроме того, глубинного сокровенного смысла. Различными становятся, как следствие, и инструкции по их истолкованию. В образно-символическом толковании, объясняющем условия выбора вспомогательного объекта, инструкцией интерпретации становится ближайший контекст, а за отсутствием такого контекста – презумпция подобия. В символико-аллегорическом толковании, призванном истолковать проблемные высказывания на другом уровне представления, инструкцией интерпретации становится презумпция духовного смысла, раскрываемого по правилам библейской экзегезы как прообраз новозаветной истории (в прообразовательном прочтении), как норма морального поведения (в тропологическом значении) или как исполнение обетований (в анагогическом значении). Так реализуются основные установки герменевтики: subtilitas intelligendi, subtilitas explicandi и subtilitas applicandi.

Ключевые слова

Псалтирь, герменевтика, метафорические дескрипции, установка мнения, образно-символическое толкование, символико-аллегорическое толкование, серийная аналогия

Для иитирования

Бочкарев А. Е. К истолкованию метафор и образных сравнений в Псалтири: *subtilitas intelligendi — subtilitas explicandi — subtilitas applicandi // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 36–47. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-36-47*

On the Interpretation of Metaphors and Similes in the Psalms: subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi

Andrey E. Bochkarev

National Research University "Higher School of Economics" Nizhniy Novgorod, Russian Federation bochkarev.andrey@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9650-8604

Abstract

Based on the example of sacred Psalter explanations, the article examines numerous metaphorical descriptions with the intention to reconstruct the procedures and operations for extracting the spiritual meaning from the veil of the literal. According to the authoritative explanations in question, metaphors and figurative comparisons (similes) used by

© Бочкарев А. Е., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 36–47 Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 36–47

the psalm singer differ in their inherent meaning despite the coincidence in the semantic mechanism of transposition and the need for their subsequent transformation in interpretation. Some of them, in a poetic way, reflect David's state of mind; others are filled with a deeper spiritual meaning. As a consequence, instructions for their interpretation become different. In the figurative-symbolic interpretation, explaining conditions for the choice of an auxiliary object, it is the nearest linguistic context that becomes an explanatory instruction; and when there is no such context it is the presumption of similarity by which *X* can be linked to *Y* in expressions like "God, the horn of my salvation" that serves this function. In the symbolic-allegorical interpretation, designed to explain metaphorical expressions at a different level of understanding, it is the presumption of spiritual meaning that becomes the instruction explaining metaphorical expressions in accordance with the rules of the Christian exegesis as a prefiguration of the New Testament history (in the typological reading), as a norm of moral behavior (in the tropological reading), and as the fulfillment of promises (in the anagogic reading). The basics for hermeneutics are implemented in the following way: *subtilitas intelligendi*, *subtilitas explicanda*, and *subtilitas applicandi*.

Kevwords

Psalter, hermeneutics, metaphorical descriptions, opinion, figurative-symbolic interpretation, symbolic-allegorical interpretation, serial analogy

For citation

Bochkarev, A. E. On the Interpretation of Metaphors and Similes in the Psalms: *subtilitas intelligendi – subtilitas explicandi – subtilitas applicandi. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 36–47. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-36-47

Постановка проблемы

В ряду канонических книг Псалтирь занимает особое место. Причиной тому являются как вдохновенные и глубоко поэтичные описания душевного состояния Давида, ищущего опоры в Боге и уповающего на его помощь, так, собственно, и пророческий характер текста, пояснить который призваны многочисленные комментарии и толкования на Псалтирь. Привлекаемые для разбора разновременные толкования образуют тем более благодатный материал, что позволяют не только понять заключенный в Псалтири сокровенный смысл ¹, но еще и реконструировать и соизмерить с большой степенью достоверности процедуры извлечения такого смысла в рамках сложившейся в средневековой патристике теории аллегоризма ².

Особый интерес вызывают в этой связи толкования широко используемых песнопевцем метафор и образных сравнений как речений, заведомо противоречащих здравому смыслу и потому требующих особого к себе внимания.

В Псалтири таких мест действительно немало. Господь уподобляется пастырю (Пс. 22: 1), твердыне (Пс. 17: 3; 27: 1), каменной горе и ограде (Пс. 30: 4), щиту (Пс. 17: 3; 7: 11), крепости (Пс. 146: 5) и рогу спасения (Пс. 17: 3; 43: 6); благоволение Господне — щиту (Пс. 5: 13); глас Господа — молнии (Пс. 28: 7); Его слова — серебру (Пс. 11: 7), стрелам (Пс. 119: 4); одежды — смирне, алоэ и кассии (Пс. 44: 9); язык — мечу (Пс. 63: 4); праведники — древу зеленеющему и плодоносящему (Пс. 1: 3); нечестивые — праху (Пс. 1: 4; 34: 5), глиняному горшку (Пс. 2: 9) и овцам (Пс. 48: 15–16); их сердца — пагубе; гортань — открытому гробу (Пс. 5: 10); грешники — коням и лошакам (Пс. 31: 9); враги — льву, алчущему добычи (Пс. 7: 3; 9: 30; 21: 14; 34: 17), скопищу псов (Пс. 21: 17), пчелам и огню (117: 11–12), потоку, стремительной воде (Пс. 123: 3–5), водам глубоким (Пс. 143: 7), траве на кровлях (Пс. 128: 6–8), земной пыли (Пс. 34: 5), нестойкому к внешнему воздействию сосуду горшечника (Пс. 2: 9); злодеи — траве и зеленеющему злаку (Пс. 36: 1–2); проданные в рабство еврейские пленники — овцам (Пс. 43: 12); наказания — стрелам (Пс. 119: 4; 143: 6); молитва — фимиаму (Пс. 140: 1–2); Давид — червю (Пс. 21: 7) и сосуду разбитому (Пс. 30: 13), язык пророка —

¹ Ср. в этой связи деление псалмов на хвалебно-благодарственные, молитвенные, учительные и мессианские (Лопухин, 1907, с. 139).

² Отправным положением теории аллегоризма служат, как известно, слова св. Павла о двух женах и двух сыновьях Авраамовых, переосмысливаемых в апостольском толковании в отношении к Ветхому и Новому заветам (Гал., 4, 22–26). В рамках намеченного противопоставления Ветхий завет приобретает в отношении к Агари и Исмаилу афферентные признаки 'рабство' и 'плоть', а Новый завет в отношении к Сарре и Исааку – 'свобода' и 'обетование'. В этом и заключается, по словам апостола Павла, иносказание.

трости скорописца (Пс. 44: 2); слезы – хлебу (Пс. 41: 4); ярость – змию (Пс. 57: 5); душа – птице (Пс. 10: 1) и земле (Пс. 142: 6); солнце – жениху (Пс. 18: 6); проклятие и срам – одеждам (Пс. 108: 18, 29); горы – овнам, холмы – ягнятам (Пс. 113: 4); человек – суете, а его дни – тени (Пс. 143: 4) ^{3} .

С точки зрения классической двузначной логики такие дескрипции не выдерживают проверки на соответствие реальному положению вещей, хотя и имеют, нельзя не признать, бо́льшую иллокутивную силу, чем простые утверждения вида (1) Человек беззащитен и слаб; (2) Враги коварны и кровожадны; (3) Нечестивые не стремятся к истинному благу народа.

Означает ли это, что метафорические определения вообще не поддаются истолкованию? Сократить эффект смысловой аномалии ⁴ отчасти позволяют сопутствующие выражения в функции ограничителя – компаративные связки как, предикативы подобно, похож и т. п. ⁵ Так, по сравнению с определением горы – овны перефразировка вида горы, как овны представляется если не более истинной, то хотя бы менее аномальной. Но и в этом случае, тем более в определениях вида сердие их – пагуба, гортань их – открытый гроб, в которых отношение подобия задается без участия «семантического оператора половинчатости» [Арутюнова, 1998, с. 830], нельзя не признать, что в двузначном логическом исчислении такие высказывания заведомо ложны, поскольку горы суть не овны, а часть земной поверхности, приподнятая над уровнем моря и прилегающих равнин; холмы суть не ягнята, а форма рельефа в виде небольшой возвышенности с пологими склонами и слабо выраженным подножием.

Во всех приведенных примерах подобие устанавливается поверх категориальных границ между объектами разных концептуальных областей: например, 20ры («ландшафт») ≈ 0 вны («животные»), праведник («человек») $\approx$ древо («растения»), враг («человек») $\approx$ лев («животное»), злодеи («человек») $\approx$ трава («растения»), язык пророка («орган речи») $\approx$ трость ско*рописца* («инструмент для письма»). Притом понять, почему для оценочной характеристики псалмопевец избирает такой, а не какой-то другой вспомогательный объект, можно только по заданной в псалме установке мнения. В противном случае нельзя объяснить, почему горы определяются в отношении к овнам, холмы - в отношении к ягнятам, праведники - в отношении к древу зеленеющему, язык пророка – в отношении к трости скорописца. Давид – в отношении к червю и сосуду разбитому, нечестивые - в отношении к праху, наказание - в отношении к стрелам, ярость - в отношении к змию, злодеи - в отношении к траве и злаку, враги – в отношении ко льву, пчелам и огню. Именно избираемый по случаю вспомогательный объект позволяет охарактеризовать определяемый объект по наиболее примечательному, на взгляд псалмопевца, свойству как в чем-то сходный червю и разбитому сосуду (Давид), трости скорописца (язык пророка), горам (овны) и холмам (ягнята), древу зеленеющему (праведники), тьме (скорбь), траве и злаку (злодеи), льву, пчелам и огню (враги) ⁶.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4 Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4

³ В отличие от тождества подобие асимметрично (поскольку не допускает инверсии), градуировано (поскольку ограничивается каким-то одним свойством) и преходяще (поскольку не распространяется на все прочие контексты употребления означенных выражений) (ср. [Арутюнова, 1998, с. 280, 357]).

⁴ В случае метафорической транспозиции, заметим попутно, эффект семантической аномалии возрастает, когда термы сравнения привлекаются случайным образом или, хуже того, находятся в разном оценочном пространстве, когда между объектами в отношении подобия затруднительно или нельзя вообще найти какое-либо вразумительное сходство.

⁵ О семантических операторах в функции ограничителя см.: [Lakoff, 1972; Zadeh, 1971; 1972; Растье, 2001, с. 175–177].

⁶ В известной степени тут можно провести параллель с созерцательными переживаниями в практике «умного делания», рассматриваемой, хотя и по другому поводу, в [Постовалова, 2014а; 2014б]. Нелишне, кроме того, отметить и собственно эпистемологический статус метафоры как особого инструмента познания. При условии, разумеется, если установленное посредством метафоры сходство вскрывает особо примечательные свойства характеризуемого объекта, а не просто случайно подмеченные соответствия. Ср. «По крайней мере, никто не станет сомневаться в том, что есть предметы, кои гораздо охотливее познаешь, если они представлены в подобиях, и что те истины вообще гораздо приятнее, коих открытие сопряжено с некоторою трудностью» [Августин, 1835, с. 76].

Истолковать такие высказывания — значит эксплицировать свойство, по которому X уподобляется в данном контексте мнения Y, а в пределе еще и установить иллокутивную и прогностическую силу такой аналогии. В этом, собственно говоря, и состоит задача толкования внешне проблемных выражений в Псалтири.

Инструкции по преобразованию внешне проблемных выражений

Не претендуя на исчерпывающий обзор, рассмотрим на примере отдельно взятых случаев толкования, как преодолевается в авторитетных толкованиях на Псалтирь категориальный сдвиг и какие используются для этого процедуры интерпретации.

В известном смысле внешне несуразные-для-нас выражения, какими предстают по определению метафоры и образные сравнения, суть речения, построенные по типу иносказания или загадки, в которых говорится одно, а подразумевать следует другое. Недаром в Толковании на Псалтирь Иоанн Златоуст предостерегает понимать буквально слова пророка о рукоплещущих реках (Пс. 97: 8), скачущих горах и холмах (Пс. 113: 4), что «было бы крайне безрассудно», а предлагает воспринимать их скорее как образное выражение высшей степени радости ⁷.

За невозможностью буквального понимания наипростейшей процедурой толкования внешне проблемных выражений становится перефразировка – преобразование трудных для понимания выражений в выражения понятные и доступные для разумения, когда некоторое исходное означаемое (signatum₁) переосмысливается по правилам символической транспозиции как означающее другого означаемого (signatum₂) ⁸. Причем это относится не только к притчам, о которых говорится в псалме сорок восьмом: Приклоню к притче ухо мое, открою в псалтири загадку мою (Пс. 48: 5), но и ко всем темным речениям, не удовлетворяющим требованиям ясности и потому кажущимся просто нелепыми. Так, во фразе И сказал я: "Может быть, тьма сокроет меня?" (Пс. 138: 12) тьма переосмысливается в перефразировке как скорбь от постигших Давида бедствий (Иоанн Златоуст); теснота во фразе В тесноте моей я призвал Господа (Пс. 17: 7) - как стесненные жизненные обстоятельства (Лопухин, 1907); шит, которому уподобляется Господь во фразе Но ты, Господи, шит предо мною (Пс. 3: 4) – как благоволение, благодать и милость Господа (Ириней, 1894); жезл железный, которым Господь поразит врагов, подобно сосуду горшечника (Пс. 2: 9) – как римское царство, которое Данилово пророчество в переносном смысле называет железным (Феодорит Киррский, 1905); изощренные стрелы Сильного (Пс. 119: 4) – как казнь, какая вскоре постигнет вавилонян (Афанасий Великий, 2011), как «меткие слова, которые, достигая сердца слушателей, поражают и уязвляют чувствительные души» (Василий Великий, 2000), как наказания (Иоанн Златоуст, 1899) или как скорость наказаний (Феодорит Киррский, 1905); врата правды (Пс. 117: 19) – как различные виды добродетели (Феодорит Киррский, 1905) или как преспеяние в добродетели (Афанасий Великий, 2011); древо, насажденное при источниках вод (Пс. 1: 3) - как «от трудов собираемое духовное богатство» (Зигабен, 1907) или как внешнее благополучие и успех в делах (Лопухин, 1907); правда, которой облекутся священники (Пс. 131: 9) – как «священные обряды, священство, богослуже-

ISSN 1818-7935

⁷ Подобным же образом высказывается Августин: «Ежели из слов, в собственном значении взятых, выходит смысл несообразный, то нужно вникнуть, не употреблен ли такой или другой троп в изречении, которого мы не понимаем. Этим способом объяснено много такого, что прежде казалось темным» [Августин, 1835, с. 211].

⁸ Августин по этому поводу говорит: «Собственное значение слов бывает тогда, когда ими означаются именно те предметы, для выражения которых они изобретены, так, например, мы говорим "вол" и разумеем под сим словом известное животное, которое так называют все, говорящие нашим языком (латинским). Переносное значение слов бывает тогда, когда самые предметы, выражаемые собственными словами, употребляются для означения чего-либо другого; так, под словом "вол" собственно мы разумеем известное животное, обыкновенно словом называемое; но можем разуметь и человека, занимающегося проповедью Слова Божия, которого сим именем назвало само Писание, по изъяснению Апостола, в следующем месте: "не заграждай рта у вола молотящего" (1 Кор. 9, 9)» [Августин, 1835, с. 86].

ние, жертвы, приношения, а вместе с тем и беспорочный образ жизни, которого особенно надобно требовать от священников» (Иоанн Златоуст, 1899); окружившие Давида враги в образе псов (Пс. 21: 17) – как язычники (Феодорит Киррский, 1905); чертоги из слоновой кости (Пс. 44: 9–10) – как «благолепные и светлые церкви, какие князьями и царями воздвигнуты повсюду на суше и на море» (Феодорит Киррский, 1905); трава и зеленеющий злак, которым уподобляются злодеи (Пс. 36: 1–2) – как «краткость временного благополучия» (Ириней, 1894); стремящийся к источнику олень (Пс. 41: 2) – как противодействие злу и изображение чего-то лучшего (Василий Великий); поток и вода (Пс. 123: 3–5) – как невыразимый гнев врагов (Иоанн Златоуст, 1899); многие воды (Пс. 143: 7) – как множество врагов (Феодорит Киррский, 1905); глубокие воды, от которых пророк просит Господа избавить его (Пс. 143: 7) – как «беспорядочное, нестройное и стремительное нападение врагов» (Иоанн Златоуст, 1899); прах, которому уподобляются нечестивые (Пс. 1: 4) – как легко уносимая ветром пыль или мякина (Лопухин, 1907) 9.

Ближайшее окружение в функции внутритекстового интерпретанта

Разумеется, установить свойство, по которому X уподобляется поверх категориальных границ Y в выражениях вида X есть Y, позволяет во многом ближайший лингвистический контекст, т. е. ближайшее лексическое окружение в функции инструкции по внутритекстовой интерпретации ^{10} . Например, за отсутствием контекста уподобить человека льву можно по коннотативному признаку 'отважный', которым традиционно наделяется в культуре лев ^{11} , а в контексте «подстерегает в потаенном месте», «подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного», «хватает бедного, увлекая в сети свои» (Пс. 9: 30) — только по эксплицированным в контексте признакам 'коварный' и 'кровожадный'. Поэтому в толковании псалма в качестве основания сравнения комментатором избираются именно такие, а не какие-то другие свойства: «Сравнив выше человека коварного со львом по его коварству и как бы кровожадности, пророк и далее остается тверд при этом сравнении, давая тем понять, что подобному человеку именно свойственны действия льва» (Зигабен, 1907).

Аналогичным образом высказывание Слова Господни – серебро (Пс. 11: 7) можно истолковать вне контекста по афферентному признаку 'драгоценный' как слова особо ценимые, а в контексте «очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное» – единственно только по свойству чистоты как слова чистые и чуждые лжи. Поэтому Златоуст поясняет установленную в псалме аналогию с опорой на заявленные в тексте свойства серебра: «...слова Его чисты, чужды лжи. Как расплавленное серебро не имеет ничего чуждого и нечистого, так и слова Бога, какие бы Он ни сказал, должны непременно исполниться. Потому и говорит: "серебро расплавленное, испытанное в земле"» (Иоанн Златоуст, 1899). Так же и сравнение злодеев с травой и зеленеющим злаком проясняется и полностью оправдывается в контексте «скоро будут подкошены и <...> увянут» (Пс. 36: 2) по признаку 'отсутствие питательной среды', 'недолговременный' и 'скоропреходящий'. «Давид здесь излагает причину, по которой не должно подражать злым. Злые, говорит, как трава на кровле, скоро иссохнут, как не имеющие глубокого корня; и как цветущая зелень скоро повреждаются. Злаки зелени суть травы зеленые, расцветающие, или то, что происходит от рода зелени, ибо все таковые растения, скоро засыхая, падают и истлевают» (Зигабен, 1907).

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4 Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4

 $^{^9}$ О других многочисленных значениях лексемы npax в Библии см.: [Мошина, 2020, с. 131].

¹⁰ О роли контекста бл. Августин говорит: «Если же и после того обе части рассматриваемого места (или все его части, ежели их случится много) будут казаться неоднозначными и темными, в таком случае остается обратиться к связи (контексту) речи и рассмотреть предыдущие и последующие части текста, окружающие темное место. Тогда откроется, какое из представляющихся понятий ближе к тексту и удобнее может быть соединено с ним» [Августин, 1835, с. 163].

 $^{^{11}}$ Ср. в этой связи широко известную метафору Axunn - nee, в которой Axunn уподобляется льву по признаку 'отважный'.

Презумпция подобия

За отсутствием эксплицированного основания сравнения затруднительно сказать, каким является в оптимальном представлении свойство, по которому *X* можно уподобить наилучшим образом *Y*. Например, пытаясь понять фразу *Бог мой – рог спасения моего* (Пс. 17: 3), можно перебирать самые разнообразные решения, пока не исчерпаются все возможные варианты толкования. Между тем в определении прославленных экзегетов подобие устанавливается здесь по свойству 'сила': «...слово "рог" часто берется в значении силы, как то: "защититель мой, и рог спасения моего" (Пс. 17, 3)» (Василий Великий, 2000) или 'оружие, направленное против врага': «*Рог спасения*, т. е. оружие как для защиты от врага, так и для поражения его; ибо те животные, которые имеют рога, весьма сильно защищаются ими в борьбе со своим противником» (Зигабен, 1907); «Употребил же выражение: *рог спасения* в переносном смысле, заимствовав оное от животных, которые рогами отражают неприятелей» (Феодорит Киррский, 1905); «Сравнение взято с животных, у которых их рога служат средством защиты и через них проявляется сила животного. Как рога для животного, так Бог являлся орудием, защищавшим Давида от врагов (Лопухин, 1907).

Также и установленную песнопевцем аналогию между душой и птицей во фразе как же вы говорите душе моей: "улетай на гору вашу, как птица"? (Пс. 10: 1) можно в первом приближении истолковать по общему для термов сравнения свойству 'свободный'. Между тем, поясняет Иоанн Златоуст, подобие задается здесь по свойству 'легко уловимая для всех': «Те, которые надеются на блага житейские, не лучше птицы, которая, надеясь на пустыню, делается легко уловимою для всех. Таков – надеющийся на богатство. Как птица уловляется и детьми, и сетями, и силками, и другими бесчисленными средствами, так и богатый уловляется и друзьями, и врагами». Также и в аналогии, установленной между нечестивыми и овцами (Пс. 48: 15–16), основанием сравнения служит, как выясняется, не свойственная овцам кротость, а 'легкость их погибели', т. е. их природная слабость и незащищенность: «Не кротость выражает он здесь названием овец <...>, но легкость их погибели, скорость угрожающей им опасности, удобоуловимость их для врагов. <...> Так и мы имеем обыкновение говорить о людях, скоро погибающих: такой-то погиб, как овца» (Иоанн Златоуст, 1899).

Разумеется, в разных авторитетных толкованиях искомое свойство может определяться различным образом, как обстоит, например, в истолковании образного сравнения Все одежды Твои, как смирна и алой и касия (Пс. 44: 9). В толковании Василия Великого смирна означает благоухание Христово и символ погребения, поскольку Иосиф Аримафейский при погребении употребил смирну и алоэ, кассия указывает на «крестное страдание, воспринятое в благодеяние всей твари»; в толковании Евфиимия Зигавиноса смирна принимает в отношении тела и одежд Христовых «значение смерти и нетления», ибо «смирною помазываются мертвые тела для сбережения их от гниения и тления», кассия означает «благовоние тела Христова»; в толковании Феодорита Киррского под смирной пророк понимает страдание, «потому что смирна преимущественно приносится мертвым», под кассией — «благоухание страдания Христова»; в толковании Златоуста — это выражение благодати, которой были исполнены одежды Христовы: «Слова "от одежд Твоих" показывают, что и одежды Христовы были исполнены благодати»; тогда как в определении профессора А. П. Лопухина толкование ограничивается словарным значением, по которому смирна, кассия и алоэ суть не что иное, как «виды благовоний, которыми умащались знатные люди на Древнем Востоке».

Задавшись вопросом, какой из заявленных смыслов подходит наилучшим образом для понимания означенных выражений – буквальный или иносказательный, нельзя не сослаться на наставление Златоуста истолковывать слова песнопевца «не чувственно, а духовно» ¹²:

¹² Также и Августин поучает новообращенных: «...если он услышит в Писании нечто звучащее по-плотски, то пусть он, хотя бы и не понимая, верит, что тут вложен некий духовный смысл, имеющий в виду будущую жизнь и добрую нравственность» [Августин, 1976, с. 51]. Так христианская экзегеза стремится не только прояснить

«...как слыша о луке, мече и подобных вещах, ты не разумеешь их чувственно, так и слыша о смирне и кассии, ты разумей их не чувственно, а духовно». В этих словах кроется, по сути, инструкция по извлечению духовного смысла из-под завесы буквального в согласии со словами апостола Павла: «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор., 3, 6).

Символико-аллегорическое толкование

В отличие от образно-метафорического толкования, объясняющего семантический механизм образной дескрипции — щита как защиты и покровительства, рога животного как оружия, льва как врага, символико-аллегорическое толкование призвано раскрыть нечто большее, чем просто условия создания художественной образности ¹³.

В символико-аллегорическом толковании недостаточно эксплицировать основание сравнения, т. е. свойство, признак или состояние, по которому определяемый объект уподобляется в образной дескрипции вспомогательному объекту, требуется раскрыть еще и сокрытый под покровом иносказательных выражений духовный смысл путем переосмысления элементов сравнения на другом уровне представления в соответствии со сложившейся в христианской экзегезе градацией духовного смысла ¹⁴.

Показательным тому примером служит толкование слов Давида Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе (Пс. 21: 7). За невозможностью буквального понимания в первом приближении требуется установить свойство, по которому Давид уподобляется в самоуничижительной номинации червю в рамках псевдоидентификации вида не X, а Y. Таким свойством является, на что справедливо указывает Феодорит Киррский со ссылкой на слова Все, видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивая головою (Пс. 21: 8), 'уничижение', а также, поясняет А. П. Лопухин, бедственное положение Давида: «Давид изображает тяжесть своего положения. Над ним, как противником царя, издеваются; он беззащитен и слаб, как червь, которого легко раздавить». Притом понять, почему в качестве вспомогательного объекта избирается червь, а не что-то другое, позволяет, добавим попутно, такое весьма существенное обстоятельство, что, по мнению Давида, для изображения уничижительного положения человека не существует иного класса вспомогательных существ, кроме разве только представителей рода членистоногих.

В символико-аллегорическом толковании установленная в псалме аналогия переосмысливается на следующем витке осмысления по отношению к смиряющему и уничижающему Себя Господу. Основанием сравнения служит при этом не только намеченное ранее 'уничижение', но еще и 'безсеменное рождение': «...как червь рождается в земле без семени после дождя, так и Христос родился безсеменно после наития на Деву Святаго Духа» (Зигабен, 1907), а также 'возможность служить приманкой для диавола-кита': «Христос называется

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4 Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4

[«]темные» места, но еще и осмыслить толкуемый текст как духовный. Логическое исчисление становится в итоге теологическим, выводимый смысл – духовным.

¹³ О различии образно-метафорического и символико-аллегорического толкований священных текстов см. [Бычков, 1995].

¹⁴ Так, в буквальном (историческом) смысле псалмы повествуют о свершившихся делах и событиях, например: «Что касается смысла исторического, то кажется, что священникам и левитам по совершении ими своего дела давалось повеление помнить, что они должны приготовить к служению» (Василий Великий, 2000); в аллегорическом – содержат иносказание, например: «Под плодом древа разумей правую веру» (Афанасий Великий, 2011); в тропологическом – предписывают правила нравственного поведения, например: «...псалом учит отложить гордое о себе мнение, смириться под крепкую руку Божию и не надеяться на силу свою, не хвалиться множеством богатства» (Василий Великий, 2000); в прообразовательном – предвосхищают грядущие события новозаветной истории, например: «В настоящем псалме предрекает пророк рождение Христа от семени Давидова, царство Его и спасительное страдание, какое претерпел за нас» (Афанасий Великий, 2011); в анагогическом – указывают на исполнение обетований, например: «Тогда праведные удостоятся лицезрения Божия в радости, а грешники – в Суде, потому что всякий грех будет истреблен Праведным Судом Божиим» (Василий Великий, 2000). При этом различие между буквальным и духовным смыслом остается незыблемым, ибо разрабатываемая в христианской экзегезе теория покрова только уточняет это фундаментальное различие.

червем, потому что носил плоть как приманку для демонов, под которою скрывалась уда Божества. Как для рыб приманка червь, так и Христово человечество было приманкою для уловления великого и умственного кита — диавола, плавающего в море настоящей жизни. Ибо, проглотив сию приманку, иначе умертвив и пожрав Христово человечество, он уловлен удою Божества Его, скрывавшегося под человечеством; и таким образом все пожирающий растерзан и умерщвлен» (Зигабен, 1907).

Аналогичным образом переосмысливаются, нередко со ссылкой на параллельные места Священного Писания, и многие другие метафорические дескрипции: посаженное при потоках вод дерево (Пс. 1: 3) – как Древо исповедания и Христос (Афанасий Великий, 2011); жезл железный (Пс. 2: 9) – как высочайшая власть Христова над Церковью и над всеми людьми (Ириней, 1894) или как крест, «ибо в нем, хотя вещество древа, но крепость железа» (Афанасий Великий, 2011); трость скорописца (Пс. 44: 2) – как Святой Дух (Зигабен, 1907); *щит благоволения* (Пс. 3: 4; 5: 13) – как крест (Зигабен, 1907); *молния* (Пс. 143) – как евангельская проповедь (Афанасий Великий, 2011); врата правды (Пс. 117: 19) – как врата небесные (Иоанн Златоуст, 1899); высекающий пламень огня глас Господа (Пс. 28: 7) - как обетование (Афанасий Великий, 2011), как пророчество о «пещи, которая приняла различных мучеников Христовых» или как приговор, который произнесет Христос в день суда (Зигабен, 1907); орошающий землю дождь (Пс. 71: 6) - как пришествие Христово (Иоанн Златоуст, 1899); смирна и касия (Пс. 44: 9) – как нетленная плоть Христа и «благовоние Господня тела Христова, которое, как безгрешнее, естественно имело приятный запах» (Зигабен, 1907), «символ погребения» и «крестное страдание, воспринятое в благодеяние всей твари» (Василий Великий, 2000); камень, который строители отвергли и который стал главою угла (Пс. 117: 22) – как Христос, который «из тех и других составил единую Церковь, подобно некоему углу, связующему и одну с другою взаимно совокупляющему две сии стены» (Феодорит Киррский, 1905).

Особый эвристический интерес вызывает, кроме того, и нередко устанавливаемая в ходе символико-аллегорического толкования серийная аналогия ^{15} , распространяющая операцию по извлечению прообразовательного смысла за пределы заявленного в тексте отношения подобия по модели вида $x_1 \to y_1, x_2 \to y_2, x_n \to y_n$, в которой каждая последующая транспозиция развивает в каком-то новом отношении предыдущую ^{16} .

Показательным тому примером является расширительное толкование образа посаженного при потоках вод дерева: *И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет* (Пс. 1: 3). В расширительном толковании установленное в контексте подобие распространяется по смежности на другие элементы дескриптивной системы дерева, так что *пистьям* уподобляются исполнение заповедей (Афанасий Великий, 2011) и согревающая праведника надежда спасения (Зигабен, 1907), *ветвям* – апостолы (Афанасий Великий, 2011), *плоду* – правая вера и спасаемые (Афанасий Великий, 2011); *потокам вод* – Божественные Писания (Афанасий Великий, 2011), Божественный Дух и учение Христово (Феодорит Киррский, 1905), *корню* – крещение (Афанасий Великий, 2011), земледелателю – Отец (Афанасий Великий, 2011).

В результате получаем пропорцию *дерево* : *Христос* :: *листья* : *исполнение* заповедей :: *ветви* : *апостолы* :: *плод* : *правая вера* :: *корень* : *крещение* :: *потоки вод* : *учение Христово* :: *земледелатель* : *Отец*, по которой первый терм так относится ко второму, как третий к чет-

¹⁵ По правилам серийной аналогии строится, заметим попутно, и широко используемая в литературном обиходе развернутая метафора (ср. [Riffaterre, 1969]).

¹⁶ Символически пересечение разнородных семантических областей можно представить так:

 $[\]hat{A} \cap B = \{x_1, x_2, x_n \in A \land y_1, y_2, y_n \in B\},\$

где A и B обозначают пересекающиеся семантические области, $\cap$ – частичное их пересечение в контексте, $\in$ – принадлежность области, $\wedge$ – конъюнкцию, а фигурные скобки – границы множества, образовавшегося в результате пересечения семантических областей.

вертому, пятый к шестому, седьмой к восьмому, девятый к десятому, одиннадцатый к двеналиатому.

Не вдаваясь в рассуждения, насколько допустимы установленные в расширительном толковании серийные отношения подобия, заметим только, что необходимым и достаточным тому условием является, конечно же, не сходство референциального впечатления, а заданная в качестве отправного ориентира первичная аналогия между Христом и древом исповедания. Приняв такую аналогию, нельзя не принять и производные от нее отношения подобия между листьями и исполнением заповедей, ветвями и апостолами, плодом и правой верой, корнем и крещением, потоками вод и учением Христовым, земледелателем и Отцом.

Вместо заключения

Авторитетные толкования на Псалтирь раскрывают с известной степенью полноты основные операции и процедуры по истолкованию метафор и образных сравнений ¹⁷. За невозможностью буквального понимания наипростейшей процедурой толкования становится перифразировка – преобразование трудных для понимания выражений в выражения понятные и доступные для разумения, переосмысление исходного означаемого (signatum₁) по правилам символической транспозиции как означающее другого означаемого (signatum₂). В образносимволическом толковании, поясняющем условия выбора вспомогательного объекта, инструкцией интерпретации становится, как правило, ближайший лингвистический контекст, а за отсутствием такого контекста – презумпция подобия: что может быть общего, например, между горами и овнами, холмами и ягнятами, языком пророка и тростью скорописца. В символико-аллегорическом толковании, призванном истолковать «проблемные» высказывания на другом уровне представления, инструкцией интерпретации становится презумпция сокрытого под покровом иносказательных выражений духовного смысла, раскрываемого по правилам библейской экзегезы как прообраз новозаветной истории (в прообразовательном прочтении), как норма морального поведения (в тропологическом значении) или как исполнение обетований (в анагогическом значении).

Так реализуются основные установки герменевтики: subtilitas intelligendi «искусство понимания», subtilitas explicandi «искусство истолкования» и subtilitas applicandi «искусство применения» (ср. [Гадамер, 1988]). Пониманию обычно подлежат вышедшие из обихода, устаревшие и потому малопонятные слова вроде скудельника в значении 'горшечник', скимна в значении 'львенок' (Пс. 16: 12), смирны, кассия и алоэ в значении 'благовония, которыми умащались знатные люди на Древнем Востоке' (Пс. 44: 9). Понимание переходит в истолкование, когда требуется уяснить, что же здесь сказано прикровенного и требующего особого внимания; что, например, означают в образно-символическом значении слова в дескрипциях вида как сладки гортани моей слова Твои! Слаше меда для уст моих (Пс. 118: 103): «Сладки они, потому что в них заключено разумное наслаждение, сладки "паче меда", потому что медом означается у людей всё приятное» (Афанасий Великий, 2011); «Не такую, говорит, сладость оставляет в гортани мед, какую в душе – исполнение заповедей» (Феофан Затворник, 1891). Толкование становится применением, как только полчиняется в согласии с вероучительным определением первейшему своему предназначению - истолковать слова Давида в духовном смысле как норму морального поведения, как прообраз новозаветной истории или как исполнение обетований: «...книга же псалмов объемлет в себе полезное из всех книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. <...> Здесь есть совершенное богословие, предречение

ISSN 1818-7935

¹⁷ Помимо указанных процедур по истолкованию метафор и образных сравнений весьма перспективным и полезным для изучения восприятия анализируемых выражений может быть и опыт теории риторической структуры, позволяющей обследовать на примере различных типов риторических отношений логико-когнитивную организацию текста. Подробнее см.: [Тимофеева, 2020].

о пришествии Христовом во плоти, угроза судом, надежда воскресения, страх наказания, обетования славы, откровения Таинств» (Василий Великий, 2000).

Эти установки взаимосвязаны, ибо без понимания невозможно истолкование, как и без истолкования нельзя помыслить применение. В последовательных переходах от одной операции к другой – от понимания к истолкованию, от истолкования к применению – реализуется в предельно развернутом выражении процедура интерпретации. Внутреннее единство указанных установок не исключает, впрочем, и случаи «сокращенной» интерпретации, ограничивающей толкование метафор и образных сравнений Псалтири одним из возможных аспектов, например экспликацией образа и связанных с ним представлений в символико-аллегорическом толковании или профилированием какого-то одного значения духовного смысла в символико-аллегорическом толковании ¹⁸. Основной тому предпосылкой служит, очевидно, не только содержание привлекаемой для разбора дескрипции, но еще и целесообразность избираемой стратегии интерпретации.

Список литературы

Августин. Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия. Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1835 (репринт: Библиополис, 2007).

Августин. Об обучении оглашаемых // Богословские труды. 15. М.: Изд. Московской патриархии, 1976. С. 25–55.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

Бычков В. В. AESTHETICA PATRUM. Эстетика отцов церкви. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир, 1995. 594 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Мошина Е. А. Философско-религиозные проекции полисемантики лексемы *прах* в русской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 129–140. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-129-140

Постовалова В. И. Религиозные концепты в православном миросозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014а. № 2. С. 127–148.

Постовалова В. И. Афонский спор об имени Божием в контексте становления миросозерцания и духовной жизни России XX–XXI веков // Вестник НГУ Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014б. Т. 12, № 2. С. 50–65.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. 368 с.

Тимофеева М. К. Опыт использования теории риторической структуры для представления логико-когнитивной организации поэтического текста // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 28–45. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-28-45

Lakoff, G. Hedges: a study of meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. In: Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1972, pp. 183–228.

Riffaterre, M. La métaphore filée dans la poésie surréaliste. *Langue française*, 1969, no. 3, pp. 46–60.

Zadeh, L. A. Quantitative fuzzily semantics. *Information Sciences*, 1971, no. 3, pp. 159–176.

Zadeh, L. A. A fuzzy-set-theoretic interpretation of linguistic hedges. *Journal of Cybernetics*, 1972, no. 2, pp. 4–34.

ISSN 1818-7935

¹⁸ Ср. «Путь от языкового значения слова в его общеупотребительном смысле к выражаемому в данном слове религиозному концепту может вообще не достигать глубинного духовного содержания такого концепта, если его реконструкция остановится только на чисто лингвистическом и даже лингвокультурологическом уровне» [Постовалова, 2014. С. 135].

Список источников

- Афанасий Великий. Толкование на псалмы. М.: Благовест, 2011.
- **Василий Великий**. Беседы на псалмы. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.
- **Зигабен**. Толковая Псалтирь Евфимия Зигабена, греческого философа и монаха, изъясненная по свято-отеческим толкованиям. Издание третье. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1907.
- **Златоуст Иоанн**. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб.: Изд. С.-Петерб. Духовной Академии, 1899.
- **Ириней**. Толкование на Псалтирь по тексту еврейскому и греческому, истолкованное тщанием и трудами Святейшего Правительствующего Синода члена, покойного архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского и Кавалера Иринея. Издание восьмое. М.: Синодальная типография, 1894.
- **Лопухин А. П**. Толковая Библия, или Комментарий на все книги св. Писания Ветхого и нового Завета / Изд. преемников Лопухина. СПб.: Бесплатное приложение к журналу «Странник», 1907. Т. 4. С. 122–410.
- **Феодорит Киррский**. Творения блаженного Феодорита, епископа Киррского. Часть вторая // Творения святых отцов, издаваемые при Московской духовной академии. Т. 27. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Собственная типография, 1905.
- **Феофан Затворник**. Псалом Давида 118-й. Толкование беседовательное. 2-е изд. М.: Изд. Афонского Русского Пантелеймонова монастыря, 1891. (Репринт: М.: Правило веры, 2008)

References

- **Augustine**. On Christian Doctrine, or the Foundations of the Sacred Hermeneutics and Church Eloquence. Kiev, Kiev-Pechersk Lavra printing house, 1835 (reprint: Bibliopolis, 2007). (in Russ.)
- **Augustine**. On the Catechising of the Uninstructed. In: Theological works, 15. Moscow, Edition of the Moscow Patriarchate, 1976, pp. 25–55. (in Russ.)
- **Arutyunova, N. D.** Language and Human World. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1998, 896 p. (in Russ.)
- **Bychkov, V. V.** AESTHETICA PATRUM. Aesthetics of the Church Fathers. Apologists. Blessed Augustine. Moscow, Ladomir, 1995, 594 p. (in Russ.)
- Gadamer, H.-G. Truth and Method. Moscow, Progress, 1988, 704 p. (in Russ.)
- **Lakoff, G.** Hedges: a study of meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. In: Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1972, pp. 183–228.
- **Moshina, E. A.** Philosophical and Religious Projections of the Polysemantic Lexeme *Dust* in the Russian Language Picture of the World. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 129–140. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-129-140
- **Postovalova, V. I.** Religious Concepts in the Orthodox World Outlook (Experience of a Theolinguistic Analysis). *Critique and Semiotics*, 2014, no. 2, pp. 127–148. (in Russ.)
- **Postovalova, V. I.** Athos dispute about the name of God in the context of the formation of world vision and the spiritual life of Russia of the 20th 21st centuries. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 50–65. (in Russ.)
- Rastier, F. Interpretative semantics. Nizhny Novgorod, DEKOM, 2001, 368 p. (in Russ.)
- **Riffaterre, M.** La métaphore filée dans la poésie surréaliste. *Langue française*, 1969, no. 3, pp. 46–60.
- **Timofeeva, M. K.** Applicability of Rhetorical Structure Theory for Representing Logical-Cognitive Organization of Poetic Texts: Empirical Investigation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and In-*

- tercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 28–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-28-45
- **Zadeh, L. A.** Quantitative fuzzily semantics. *Information Sciences*, 1971, no. 3, pp. 159–176.
- **Zadeh, L. A.** A fuzzy-set-theoretic interpretation of linguistic hedges. *Journal of Cybernetics*, 1972, no. 2, pp. 4–34.

List of Sources

- **Athanasius the Great**. Explanation of the Psalms. Moscow, Blagovest, 2011. (in Russ.)
- **Basil the Great**. The Psalm Commentaries. Moscow, Moscow Courtyard of the Trinity Lavra of St. Sergius, 2000. (in Russ.)
- **John Chrysostom**. Creations of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople, vol. 5, book 1–2. St. Petersburg, Edition of the St. Petersburg Spiritual Academy, 1899. (in Russ.)
- **Irenaeus**. Interpretation on the Psalter according to the Hebrew and Greek text, interpreted by the care and labors of the most Holy governing Synod member, the deceased Archbishop of Pskov, Livonia and Courland and Cavalier Irenaeus. Edition Eight. Moscow, Synodal Printing House, 1894. (in Russ.)
- **Lopukhin, A. P.** Explanatory Bible or commentary on all books of St. Scriptures of the Old and New Testaments. St. Petersburg, Free supplement to the journal "Strannik", 1907, vol. 4. p. 122–410. (in Russ.)
- **Theodoret of Cyrus**. Creations of the Blessed Theodoret, Bishop of Cyrus. Part two. The Trinity Lavra of St. Sergius, Own printing house, 1905. (in Russ.)
- **Theophan Zatvornik**. Psalom Davida 118 [Psalm of David 118th]. 2nd ed. Moscow, Edition of the Russian St. Panteleimon monastery on mount Athos, 1891. (in Russ.)
- **Zigabenus**. The Explanatory Psalter of Euthymius Zigabenus, Greek philosopher and monk, explained in the patristic interpretation. 3rd ed. Kiev, Printing house of the Kiev-Pechersk Lavra, 1907. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Евгеньевич Бочкарев, доктор филологических наук, профессор SPIN 3213-6724

Information about the Author

Andrey E. Bochkarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor SPIN 3213-6724

Статья поступила в редакцию 29.06.2021; одобрена после рецензирования 01.08.2021; принята к публикации 01.08.2021 The article was submitted 29.06.2021; approved after reviewing 01.08.2021; accepted for publication 01.08.2021